

Мария Коннова
(Калининград)

**ИКОНА ВРЕМЕНИ:
СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ ПРАЗДНИКА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ¹**

Рассматриваются временные константы праздника Рождества Христова в романе «Лето Господне» И. С. Шмелева. Ключом к пониманию словесного образа праздника являются строки, восходящие к рождественским песнопениям. Исследование лексико-грамматических средств выражения семантики времени свидетельствует о том, что в описании праздника сливаются прошлое и вечно настоящее: в надвременной реальности праздника все пребывает в атемпоральном «теперь».

Ключевые слова: время, аксиология, праздник, Рождество, И. С. Шмелев.

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы Я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймешь чего — подскажет сердце.

И. С. Шмелев. Лето Господне

Праздники — «светящиеся точки вечности» [4, с. 161] — имеют ключевое значение для структурирования времени человеческой жизни. «Сам порядок времени, календарь возникают как результат повторения праздников: не только в церковном календаре, но и измеряя время вообще, мы склонны дви-

© Коннова М., 2013

¹ Продолжение. Начало см.: Слово.ру: балтийский акцент. 2011. №3–4. С. 161–168.

гаться не от месяца к месяцу, а от праздника к празднику, от Рождества к Пасхе» [2, с. 310]. Праздник является «собственно временем», в противоположность времени «пустому», которое рождается в наполнении его определенной деятельностью: «при наступлении праздника данный момент или отрезок времени оказывается наполненным торжеством. Это произошло не потому, что кто-то заполнил время; напротив, само время стало праздничным, как только пришел срок, и с этим непосредственно связан характер праздничного торжества. Это и может быть названо собственно временем» [2, с. 310–311].

В настоящей статье рассматриваются временные константы праздника Рождества Христова на примере романа И. С. Шмелева «Лето Господне» (март 1934 – февраль 1944).

Начальное слово-предложение главы «Святки» – эллиптически емкое, оттененное синкретичным многоточием – вводит в хронотоп повествования вневременное измерение праздника:

«Рождество...

Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым. Даже в церковной песне – *Христос рождается – славите! Христос с небес – слышите!* – слышится хруст морозный» [9, с. 124].

Энергоцентричный характер возвратных глаголов *чудится, видится, слышится* эксплицирует внутреннюю сущность времени праздника: его неконтролируемость, непостижимость, надмирность [ср.: 7, с. 87–90], о которой свидетельствует и семантическая структура самих возвратных глаголов (*чудится – чудо; видится – видение*). Двойной повтор в приведенном фрагменте лексемы *слово* с его намеренным выделением во втором предложении (*самое слово*) приоткрывает другую грань времени праздника: его явление – экспликацию – в имени, в *слове*, воспринимаемом органами чувств: слухом (*слышится*), зрением (*видится голубоватым*), осязанием (*льдистая чистота*), обонянием (*морозный воздух*).

Начальные строки рождественского канона (*Христос рождается...*) переводят описание праздника из плана прошлого, воспоминаний, в план вечно настоящего времени. В глагольной форме настоящего времени *рождается* событие Рождества предстает совершающимся над временем – и в настоящий момент, и всегда. *Славите* (греч. δοξάζω – «прославлять, хвалить» [1, с. 341]) отсылает к ангельской песни: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк 2:14) – и уподобляет прославляющих Рождество Спасителя ангельским ли-

кам. *Срящите* — призыв к встрече Рождяющегося усиливается семантикой движения (*сретати* — «(вместе) идти на встречу» [3, с. 655]). Семантическая многомерность эллиптической конструкции *Христос с небес* отражает вневременную сущность праздничного богослужения, в котором «все пребывает в настоящем, потому что в нем все в вечности» [4, с. 160].

Пространство времени праздника распространяется в романе И. С. Шмелева не только на самый день Рождества и следующие за ним Святые дни, Святки, но и на весь предшествующий, подготовительный, период:

«Наше Рождество подходит *издалека, тихо*» [9, с. 115]².

Это время метафоризируется как путь, темпоральными координатами на котором являются праздничные памятные дни: «Завтра заговины перед *Филипповками*. Так Рождественский Пост зовется, от *апостола Филиппа*: в заговины, 14 числа ноября месяца, как раз почитание его. А там и *Введение*, а там и *Николин День*, а там... Нет, долго еще до Рождества. — Ничего не долго. И не оглянись, как подкатит. Самая тут радость и начинается — *Филипповки!* — утешает Горкин. — Какая-какая... самое священное пойдет, *праздник на празднике*, душе свет. Крестного на *Лександру Невского* поздравлять пойдём, пешком по Москва-реке, *23 числа ноября месяца*» [Там же, с. 287–288].

«Вхождением» в подготовительный к времени Рождества период становится праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы³, наступление которого описывается динамически-бытийным составным глагольным сказуемым *вступить станет*: «*Введенье вступить станет* — сразу нам и засветится. — Чего засветится? — А будто звезда засветится, в разумении. Как-так, не разумею? За всеношной воспоют, как бы в преддверие, — "Христос рождается — славите... Христос с небес — срящите..." — душа и воссияет: скоро, мол, Рождество!.. Так все налажено — только разумей и радуйся, ничего и не будет скушно» [Там же].

Троекратный повтор возвратного объектного глагола *засветиться* и основы *разум-* (*в разумении, не разумею, разумей*), отсылающий к словам

² Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, курсив в цитатах наш. — М. К.

³ С праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября / 4 декабря) начинается пение ирмосов канона на Рождество Христово. Таким образом, праздник Рождества как точка вечности не только переживается «в определенный момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника» [4, с. 161].

тропаря Рождества Христова⁴, а также структурное единство глагольных форм [за всенощной] *воспоют* — [душа и] *воссияет* приоткрывает словесную природу праздника, его экспликацию в церковном песнопении, которое служит как бы «проводником» нетварной благодати. Радость (*только разумей и радуйся*) рождается от слышания (За всенощной *воспоют...* «Христос рождается — славите... Христос с небес — срящите...» — *душа и воссияет*).

Семантика ожидания, имплицитная связь между настоящим и будущим, содержится и в смысловой структуре приставочных глаголов *приглядываться, дотягиваться*, парафрастически описывающих приготовление к празднику: «Горкин меня загодя укреплял, а то не терпелось мне, скорей бы Рождество приходило... Говорил, бывало: — Ты вон, летось, морожена покупал... и взял-то на монетку, а сколько лизался с ним, поглядел я на тебя. Так и с большою радостью, еще пуще надо *дотягиваться*, не сразу чтобы. Вот и приуготавливаемся, издаля *приглядываемся*, — вон оно, Рождество-то, уж светится. И радости больше оттого» [9, с. 297].

Кульминацией этого приготовления-ожидания, метафорического приближения по темпорально-событийной оси ко времени праздника становится *Сочельник* — Навечерие Рождества Христова: «В *Сочельник, под Рождество*, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар — из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Ну... будто, Он на сене, в яслях» [Там же, с. 117].

Синкретичный бытийный союз *будто* символически передает в приведенном фрагменте присутствие в земной действительности реальности надмирной, деятельное участие в которой — сопричастие и переживание — обуславливается верой, которая есть «*осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1).

Зримым знаменем приближения времени Рождества становится в шмелевском повествовании загорающаяся в небе *звезда*: «Бывало, ждешь *звезды*, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь — *звезды* не видно? Видно! Первая *звезда*, а вон — другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени» [9, с. 117].

⁴ Ср.: «Рождество Твое, Христе, Боже наш, *воссия* мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!» [5].

Окказиональная глагольная форма начинательного вида «[стекла] засинелись» передает едва уловимый момент наступления времени праздника, предворяя кульминационное описание звездного неба в ночь перед Рождеством: «А звезд все больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь — резанет, ожжет морозом. А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зеленый, — в стрелках» [9, с. 117].

Восторженное звучание, создаваемое анафорическим повтором именного восклицательного предложения *А (какие) звезды!*, усиливает ощущение непосредственной близости, осязаемости перенасыщенного светом (*кипит от света*) неба, живость звезд в котором подчеркивается самой семантикой грамматически неоднородных сказуемых (*усатые, живые, бьются, колют глаз*). Вершиной описания звездного неба становится синестезический зрительно-слуховой образ праздничного звона, будто рождающегося из кипения звездного света: «И звон услышишь. И будто это звезды — звон-то! Морозный, гулкий, — прямо серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церковей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул» [Там же].

Отглагольное существительное *звон*, в структуре значения которого присутствует сема бесконечной длительности, оттеняет мысль о пространственной и временной неограниченности праздника — эксплицитным ее выражением становятся оттененные многозначием слова *без конца-начала*.

Всеобщность праздника и праздничного богослужения, которое не имеет характера исключительно человеческого, но «совершается для всего мира и во всем мире находит себе отклик» [4, с. 144], передается определительным местоимением *все / всех / вся*: «Вы прислушайте, прислушайте... как *все* играет!.. и на земле, и на небеси!.. А это про звон он. Мороз, ночь, ясные такие звезды, — и гу-ул... *все* будто небо звенит-гудит, — колокола поют. До того радостно поют, будто *вся* тварь играет⁵: и дым над нами, со *всех* домов, и звезды в дыму, играют,

⁵ Глагол *играть* («веселиться; прыгать, скакать, плясать» [3, с. 209]) и ключевое словосочетание *вся тварь играет* заимствованы И.С. Шмелевым из рождест-

сияние от них веселое. И говорит еще: Гляньте, гляньте!.. и дым будто Славу несет с земли... играет ка-ким столбом!» [9, с. 306–307].

Завершают описание звездного звона слова евангельского благовестия⁶, помещающие время праздника во вневременной контекст вечности: «Выйдешь — певучий звон. И звезды. ...В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... — синий, серебрится пылью, дымный, звездный. ...Огнистые дымы столбами, высоко, до звезд... Звездный звон, певучий, — плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденье, *славит Бога в вышних*, — Рождество...» [Там же, с. 118].

Сущностное своеобразие времени праздника Рождества Христова символически передается цветовой гаммой описаний природы: здесь цвет сливается со светом — белизна, приобретающая блистающий, прозрачно-светящийся оттенок, напоминает о присутствии в пространстве праздника нетварного света святости, сияния вечной жизни и чистоты [ср.: 8]: «Снежное кружево деревьев легко, как воздух» [9, с. 124]; «На стеклах *лед*, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное» [Там же, с. 117]; «*Инеем* стоит, туманно, дымно» [Там же, с. 115]; «Водовоз подъехал в скрипе. Бочка вся в *хрустале* и треске. И она дымится, и лошадь, вся седая» [Там же, с. 121]; «А воздух... — синий, *серебрится* пылью, дымный, звездный» [Там же, с. 117]; «"Белят" ризы на образах: чистят до блеска щеточкой с мелком и водой и ставят "праздничные", рождественские, лампадки, *белые и голубые*, в глазках. Эти лампадки напоминают мне *снег и звезды*. Вешают на окна свежие накрахмаленные шторы, подтягивают пышными сборками, — и это напоминает *чистый, морозный снег*. ...В гостиной стелят "праздничный" ковер, — пышные *голубые* розы на *белом* поле, — *морозное* будто, *снежное*» [Там же, с. 301].

Временная граница пространства непосредственно праздника Рождества намечается метонимически — предложным обстоятельством с сочетанием *ко всенощной*: «Ко всенощной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не щиплет. ... Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... — и почему-то видится кровать, звезды.

венских песнопений: «Ликут ангелы вси на небеси, и радуются человецы днесь, *играет же вся тварь* рождагося ради в Вифлееме Спаса Господа» [5]; «*Вселенная да играет*, приемлющи (принимая. — М. К.) избавление: да *ликует вся тварь* (все творение. — М. К.) празднующи» [Там же].

⁶ «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14).

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия мирови Свет Разума...*

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный... был всегда. И будет» [9, с. 117–118. Курсив автора. — М. К.].

Начальные строки рождественского тропаря — *Рождество Твое, Христе Боже наш, Возсия мирови Свет Разума...* — вводят в текстовую ткань романа атемпоральное измерение времени богослужения: форма аориста *возсия* оттеняет мысль о том, что Рождество Христово, совершившееся однажды в историческом времени мира, не ушло в прошлое, но пребывает в вечно настоящем. Эмфатическое прилагательное *давний-давний* как бы подчеркивает, что через молитву происходит приобщение к тому, что было *всегда* и *пребудет* неизменным, вечным (*И будет*).

Намеченная метонимическим *ко всенощной* граница между периодами *предпразднества* и праздника разделяет временной мир на две части — «до» и «после», «теперь». Внутреннее наполнение времени настоящего, очерченного неопределенно-личным предложением *Идешь из церкви*, описывается темпоральным прилагательным *новый*: «Идешь из церкви. Все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая. Святая. Бывало, думал: "Если к ней идти — придешь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он — в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!" Смотришь, смотришь — и думаешь: "Волсви же со звездой путеше-эствуют!.."» [Там же, с. 118].

Завершающая абзац строка рождественского кондака с интонационно выделенной формой настоящего времени *путеше-эствуют* оттеняет мысль о проникновении в пространство настоящего надвременной реальности праздника, в которой все и везде пребывает в атемпоральном *теперь*: «Волсви?.. Значит — мудрецы, волхвы. А маленький я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, — думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые *теперь*. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь — кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?.. Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взле-

тают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот, подходят волки. Их у нас в России много!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впускают? Ну, конечно, впускают. Скажут: ну, и вы входите, *нынче* Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады» [9, с. 118–119].

Настоящее время повествования и двойной повтор глагольной формы *видишь* в приведенном фрагменте оттеняет реальность соучастия в событии Рождества, соприсутствия и сопереживания тому, что «существовало от века, затем дано было во времени и теперь дается ... опять во времени, но как вечное» [4, с. 148]⁷.

Пространственно-временная реальность праздника, который «есть не что-то замкнутое, но активная сила, имеющая глубокое преобразующее воздействие на человека и мир в целом» [6, с. 15], распространяется на всю окружающую действительность, прежде всего на дом как прообраз живой, освоенной вселенной: «*И в доме – Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, – другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, – звездочки, в лесу как будто... А завтра!...*» [9, с. 120].

Завершающим абзац восклицательным предложением *А завтра!* Настоящее – канун праздника – сопрягается с будущим – утром Рождества. Грань между ними прозрачна: будущее наступает уже сейчас, что подчеркивает повтор темпорального маркера *завтра* в начальном указательном предложении следующего абзаца: «*А вот и – завтра. Такой мороз, что все дымится. На стеклахросло буграми. Солнце над Барминихиным двором – в дыму, висит пунцовым шаром. Будто и оно дымится. От него столбы в зеленом небе*» [Там же, с. 120–121].

⁷ Строка рождественского кондака *Волви же со звездою путешествуют*, ставшая структурным стержнем приведенного фрагмента, в интерпретации *волхвов – волков* переключается с читаемым в рождественский Сочельник пророчеством Исаии о рождении Спасителя, в Царствии Которого «волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому... не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11: 6, 7, 9).

Вводимый здесь впервые образ *солнца* не раз еще возникает в описаниях дня Рождества: «Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает *солнце*. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: *солнце* на Рождество. Выплывает огнем за садом. <...> А вот и завтра. Оно пришло после ночной метели, в морозе, *в солнце*. <...> Ушло, прошло. А *солнце*, все то же *солнце*, смотрит из-за тумана шаром. И те же леса воздушные, в розовом инее по утру. И галочки. И снега, снега» [9, с. 124, 125, 132].

Необычность, выделенность *солнца* из всего привычного мира, подчеркиваемая его особой насыщенностью светом и цветом (*пламенное, всплывает огнем*), оттеняет аксиологическое значение этого образа, его глубокий символизм, восходящий к песнопениям Рождества Христова, в которых *Солнцем правды, Солнцем славы* иносказательно именуется Богочеловек Иисус Христос⁸.

С Рождеством Христовым начинается новое время — не имеющее конца *Лето Господне*, надвременная природа которого оттеняется в романе И. С. Шмелева совершенными формами бытийных глаголов *являться* и *оставаться*: «Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает *солнце*. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: *солнце* на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад — в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот, побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розовой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, — Рождество.

В детстве таким *явилось* — и *осталось*» [Там же, с. 124].

Список литературы

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
3. Дьяченко Г., *свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
4. Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. М., 2001.
5. Миняя декабрь. URL: <http://orthlib.ru> (дата обращения: 11.02.2009).
6. Осипов А.И. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. №62.

⁸ Ср.: «Возсия еси, Христе, от Девы, разумное Солнце правды» [5]; «возсия бо звезда от Иакова, и настави к Солнцу славы дары носящая волхвы» [Там же].

7. Петрухина Е. В. Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: современные направления следования : сб. науч. тр. М.; Калуга, 2007.

8. Символика цветов. URL: <http://www.liturgy.ru/docs/3odejan5.php> (дата обращения: 08.04.2009).

9. Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2007.

Maria Konnova

AN ICON OF TIME: THE VERBAL IMAGE OF A HOLIDAY IN RUSSIAN CULTURE

This article considers the temporal constants of the holiday of Christmas in I. S. Shmelev's novel The Summer of the Lord. The key to understanding the verbal image of a holiday is the lines based on Christmas chants. An analysis of lexical and grammatical means of expressing temporal semantics shows that the past and the eternally present amalgamate in the description of a holiday: in the supra-temporal reality of a holiday, everything abides in the atemporal "now".

Key words: *time, axiology, holiday, Christmas, I. S. Shmelev.*